

Шмелев И. В.

История села Мотовилово

Тетрадь 9

1926 г.

Иван Шмелев

**История села Мотовилово.
Тетрадь 9 (1926 г.)**

«ЛитРес: Самиздат»

1972

Шмелев И. В.

История села Мотовилово. Тетрадь 9 (1926 г.) / И. В. Шмелев —
«ЛитРес: Самиздат», 1972

Более 50 лет Шмелев Иван Васильевич писал роман о истории родного села. Иван Васильевич начинает свое повествование с 20-х годов двадцатого века и подробнейшим образом описывает достопримечательности родного села, деревенский крестьянский быт, соседей и родственников, события и природу родного края. Роман поражает простотой изложения, безграничной любовью к своей родине и врождённым чувством достоинства русского крестьянина.

Содержание

Минькина свадьба. Пир, пьяные гости	6
Бабы жарили добро. Ловля рыбы в Серёже	16
Старинные деньги. Покупка веялки Савельевых	21
Игра в деньги. Ершов в городе. Смирнов	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Часть вторая

Тетрадь № 9 (1926 г.)

Минькина свадьба. Пир, пьяные гости

Наступил второй день свадьбы. Заведён у мужиков такой обычай. Как только утром продерут глаза, так скорее всего вздумается им о похмелье, как бы починить свои трещащие с похмелья головы – идут туда, где испортились.

Рано утречком в доме Савельевых, собралось уже много мужиков, которые уже опохмелились, которые этого ждут. Василий Тимофеевич Муратов, со вчерашнего перегара, долго умывался, утрезвляя свою изрядно трещавшую голову водой. Умывшись он стал напяливать на себя рубаху, растопырив кверху руки, продев их в рукава, неторопливо стал рубаху накидывать на голову. В этот самый момент ему предложили опохмелиться. Василий Ефимович подал ему стакан с самогонкой: «Тимофеич – держи!». Не закончив облачение, Тимофеевич взял стакан рукой и тут-же выпил. Со стороны казалось, что не Тимофеич выпил из стакана-то, а растопыренная его рубаха: головы его не было видно, она была рубахой как-то приоткрыта, а из рубашечьей прорехи виднелся только его нос. Из стакана вылил Тимофеевич туда под нос, и закуска пошла, только после всего этого, он закончил возню с надеванием рубахи.

Дядя Федя уже как следует опохмелившись, пошёл проводить молодых. Расхлебав дверь настежь он непрошено вломился в мазанку. «Эй, вы еще нежитесь?», – крикнул он, и чтобы, чем-то проявить свою любезность к молодым, он не нашёл больше ничего, как бесцеремонно, сдернуть с них одеяло. От неожиданности такого поступка молодая, стыдливо застеснялась, поймав рукой краек одеяла и стала одеялом снова укрываться от посторонних глаз.

«Вставайте! Там давно опохмеляются, а вы все еще спите» – надоедливо тормошил Федя молодых, которые не особенно были рады его приходу.

А между тем, изрядно опохмелившиеся мужики, стали состязаться кто в чем силен и искусен. Ларион, так тот демонстрировал перед весело шумевшими мужиками, прочность своего широкого лба – выпив самогону, он пустой стакан кок об лоб и стакан разбивался, осколки со звоном летели на пол. Потом, Ларион велел затворить избную дверь. Затворили, а он, разбежавшись как треснет своей головой об дверь, и та растворилась настежь.

А на полу, ухватившись за скалку состязаясь в силе, тянутся Осип с Яковом: кряхтят, тужатся друг другу не поддаются, каждый хвалясь своей силой не сдается, пыхтят краснея, напрягаются, возятся словно медведи на «Медвежьей свадьбе!». А развеселившиеся мужики клича подзадоривают: «Тяни Яков! Осип не зваться!».

А мужики по моложе, проворные на шуточные проказы, выйдя во двор и не зная чем бы позабавится, и надумав, пусть мол идут по дороге люди дивятся и знают, что тут свадьба, волокли на крышу дома сани, взгромоздив установили их на самом коньке.

За столом в избе двое опьяневших пожилых мужика запели свою, видимо любимую, песенку:

«Самогончиком, ончиком – опиваются!
Под забором, бором, бором – все валяются!
Под напором, пором, пором – поднимаются!
Своим ходом, ходом, ходом – отправляются!
Ближе к дому, к дому, к дому – направляются!
По-телячи, лячи, лячи – упираются!
По дороге, роге, роге – спотыкаются!
Беспричинно, чинно, чинно – чертыхаются!»

После изрядного опохмеления, во время которого выпито немало самогонки, но это все не в счёт, а в счёт идут только пир. Вскоре, в доме Савельевых собрались созванные сватом

Ванькой, родные. Нарядной толпой, грызя семечки и орехи, направились в гости на пир к свату – в дом невесты.

После выпитых двух стаканов, мужики к этому времени, изрядно уже опьяневшие от опохмеля, решили петь песни. Первую они запели «Шумел, гремел пожар московский», (голоса у них были как на подбор басы и тенора), и все подхватили песню так дружно, азартно и громко, что от содрогания стекло в окне тренькнуло, осколки со звоном попадали наружу. Гости от удовольствия рассмеялись, а сват, сделав кислую на лице гримасу, смолчал, скрыв своё недовольство. Под общий шум и смятение вдруг, во всю избу, раздался звон разбитой тарелки. Это жених с силой и усердием грохнул пустой тарелкой о стол. Все зашумели, захохотали, зааплодировали. Невеста принаклонив голову, стыдливо покраснела лицом, у свахи матери невесты, на лице появилась улыбка довольства. Издревле, в селе, ведётся такая традиция и заведён такой обычай: на второй день свадьбы, после проведения первой брачной ночи, жених в знак «целостности и честности» невесты до замужества, на пиру называемом «Почестный» бьёт тарелку. Так и здесь на этом пиру было. После «боя» жених несколько раз прини-мался целовать свою невесту, теперь уже законную жену.

Ещё пуце развеселившись, гости шумели, выпивали не очередную рюмку, смачно закусывали. Намасленные об закуску пальцы обтирали о головы, а волос всё примет. Задорно улыбаясь чмокая и чавкая, гости взаимно отпускали направо и налево короткие смешки, шумели и гоготали. Под мелодично тягучую песню «Под высокой душистой сиренью!». Две говорливые свахоньки приступили к своему полагающемуся на пирах обрядовому делу – стали «сыры молить». Поочерёдно подходя ко всем гостям, к каждому по отдельности, они предлагали выпить рюмку самогонки, а молодых поздравить и чем-либо одарить их. А молодым-то много кое-чего надо будет. И «на мыкальник», «на чикальник», «на птыкальник» и прочее, о которых так азартно и скороговорочно наговаривали свахоньки. С пьяной смелостью и бесстыдством наседали на каждого из гостей, требуя позолотить тарелку, которую они держат перед носом гостя. Из гостей пьяные бабы шли с песнями, обнявшись, взаимно сцепившись друг с другом шли колышающим фронтом, едва помещаясь вширь дороги, улицы, тягуче распевая песню. Степенные же мужики и бабы во главе с Василием Ефимовичем сдерживая себя от излишней рюмки на пиру, по улице шли небольшой толпой, деловито переговариваясь между собой, нарочито показывая свою нарядную одежду. А Василий Ефимович с Любовью Михайловной возвращались из гостей от сватьев, полу трезвыми из-за того, вслед им придут к ним гости от сватьев на пир, надо быть готовым.

Не успели Савельевы, как следует подготовиться к пиру: расставить столы, подготовить и разложить закуску, как гости уже пожаловали к ним на пир.

– Здорово ли живёте! – поприветствовал вошедши первым Никита.

– Проходите, проходите, дорогие сваточки, садитесь за столы, – под напором гостей, пятясь задом, приглашали гостей Любовь Михайловна.

– Пройдём! Ваши гости! – отвечали степенно гости-старички раздеваясь, вешая одежду и картузы на гвозди, на множество гвоздей, предусмотрительно вбитые в стены Василием Ефимовичем. Давнишняя пословица говорит «Гостей по одежде встречают, по уму провожают». Вот и на сей раз, бабы сродницы Савельевых принимая и встречая гостей с любопытством разглядывали их наряды, они интересовались кто в чём одет пришёл. Среди пестроты бабьих нарядом пахло сундучной прелью и затхлостью слежалой одежды. Гости принесли с собой не только массу словесных приветствий и почтительных раскланиваний, но и полный букет запахов слежалых нарядов от сладко-кислого, яблочного до горько-приторного, нафталинового. Наряднее всех, пожалуй, вырядилась Дунька Захарова, на голове цветастый платок, на ней была надета добротная шерстяная юбка и канифасовая кофта с брыжами, на рукавах и груди искусно и вычурно волнисто сделанными во всю грудь из рюшки. На ногах хромовые полусапожки. У

баб от дунькиного наряда в глазах зарябило. В качестве гостя сюда пришёл и Николай Ершов. Пока остальные и близкие гости здороваясь раскланивались, Николай решил в первую очередь закурить:

– Ты что, в избе-то куришь! – упрекнул его Николай Смирнов.

– Я в трубу.

– Ты лучше сам залезь в трубу и оттуда дыми, – оборвал его Смирнов.

– Вот где ты мне попала! – провозгласил Ершов, подходя к Дуньке.

– И что ты каждый раз пристаёшь как банный ... – оскорблённая перед людьми, словами укротила его Дунька. – Некогда мне с тобой антимонию разводить, – насмешливо добавила она.

– И вообще, не мешайся как бобик, у нас под ногами, – сказанул ему и Смирнов, подлаживаясь к Дуньке и стоя около её.

– Болтается около меня как бельмо на глазу! – оскорбительно-нелестно бросила Дунька Ершову прямо в глаза.

Меж тем, гости рассаживались за столы, занимая каждый себе надлежащее место.

– Куманёк, подвинься. Можно я с тобой рядом сяду? – спросила Дунька у Николая Смирнова, подъефериваясь к нему ближе. – Он мне кумом доводится, нас с ним поп крестил в одной купели! – объяснила.

– Можно, а ты думала нет! – охотно согласился тот.

Усадив Дуньку около себя, Смирнов сказал:

– Эх, какая у тебя концепция-то! – и что-то смешное, и любезное шептал ей в ухо. Она заинтересовано, с любопытством, искосив глаза, пытливо прислушивалась к его шёпоту, заодно улыбалась, плотно сжав губы.

– Ты её больно-то не соблазняй и не уговаривай! – не скрывая ревности заметил Смирнову Ершов, сидевший как раз напротив его.

– Да катись ты колбасой отсюда, да больше сюда и не заглядывай со своим грязным носом в калашный ряд. Не суйся – ты ещё мало каши ел! – находчивый в словах обрезал Смирнов Ершова.

И Смирнов снова, припав к Дунькиному уху, щекотая усами его, шмелём гудит ей над ухом, шепча о чем-то весьма забавном. Она в улыбке, слегка наморщив нос, мелкими кивками стала выказывать своё согласие.

– Он что на тебя всё время нападает? – спрашивали мужики Ершова, любопытствуя о причине неприязненного отношения к нему со стороны Смирнова.

– Мы с ним противники с детства. Ещё в ребятах не раз мы с ним дрались, вот он и помнит.

– А не из-за Дуньки? – спросил Ершова Никита.

– Да малость и из-за Дуньки. Я к ней и так и сяк, добра желаю, а она ко мне всем задом. И уборку взялся у неё исправлять, пахать, сеять и прочее, а она этой моей милости не понимает. Ну, как хочет. Опосля не кайся. Придёт время – ни кстись, ни молись – не пожалею! – нарочно громко, чтобы Дунька слышала.

– Какой добродетель нашёлся! – дошло до уха Ершова насмешливое слово Дуньки.

При этом издевательском по отношению к Ершову слове Дунька как-то злобливо повернулась на месте и своим толстым задом выдавила стекло окна в доме. Дунька, застеснявшись, приутихла, боясь, как бы её неосторожность в отношении окна не заметил хозяин дома.

Меж тем подносчики подносили гостям уже по второму стакану. Дядя Федя, потчuya, уговаривал выпить гостей. Для формы и приличия гости вежливо относили ему, церемониально прикладывая к стакану два сложенных вместе пальца. Дядя Федя охотно принимал эту почесть и стакан за стаканом опрокидывал в свой рот, не забывая, конечно, и о гостях. А Ершов, выпив второй и закусив, изрядно осмелев, продолжал своё изречение по поводу их отношений со Смирновым.

– Я давно заметил и раскусил, что Смирнов-то в мой огород камешки бросает: не мытьём, так катаньем берет. Вот давно у нас с ним такая катавасия идёт. – Но попадётся, да попадётся он мне где-нибудь в узком месте, да под горячую руку. Не спущу! – угрожающе торочил Ершов, вызывая у мужиков только смех, потому что получается, как в басне Крылова: Моська угрожающе лает на Слона. Над этим-то, надрываясь, хохочут мужики, поджав животы, катаются со смеху.

– Слушай, Николай Сергеич, а как же насчёт Дуньки-то? Неужели ты от неё отступишься? – спросил Ершова Никита.

– Временно приходится отступить. А видите ли, какое дело-то, только по пьянке я вам мужички, расскажу в чём секрет-то! – понизив голос Ершов стал открывать свою тайну. – Моя баба как-то распознала, что я с Дунькой задумал «шуры-муры» завести, она сходила к какой-то знахарке и мне невст раздобыла. Я и так, и сяк, а мой ровесник одно «шесть часов» показывает. Думаю: «Вот так тебе фунт изюму!» Если бы я узнал, какая ведьма это мне подделала, я бы ей голову отвернул и чертям на рукомойник отдал.

– Ну, а как теперь насчёт этой самой невст? – поинтересовался Никита.

– Теперь всё в порядке. Продействовало это ведьмино снадобье с неделю, а потом прошло как рукой сняло. Я ведь тоже не лыком шитый, а хреном делан: на злое снадобье я своё снадобье изобрёл.

– Какое же? Скажи, если не секрет! – любопытствовали мужики.

– Во-первых, овсяную кашу ем, сырые яйца пью, сахару без нормы ем. Вот только, мужики, не знаю, где бы достать шпанских мух и бобровый струи. Тогда бы я и вовсе злополучной знахарке прямо в глаза бы сказал: «А хреника тебе в правый глаз не хошь, чтобы левый не моргал!» – горделиво сказал Ершов.

Мужики, заинтересовавшись рассказом Ершова, скрытно, чтоб он не догадался, насмешливо хихикали, а то и хохотали прямо в открытую, зная, что он не подозревает, что над ним, подшучивая, смеются. Ему же кажется, что мужики ему поощряют. Между тем, сам хозяин дома Василий Ефимович, изрядно развеселившийся от выпивки, громогласно и властно управлял всем ходом пира. Среди прочих людей и гостей всюду мельтешилась его красная сатиновая рубаха-косоворотка, всюду виднелась серебряная цепочка, прицепленная к часам в кармашке жилета и волнами растянута во всю грудь. Почти беспрестанно слышался его властно-повелительный голос, в песнях особо выделялся и разносился по всей улице из открытых окон возницы его басовито-зычный голос. Иногда он одиночно пускался в пляс, припевая свою любимую песенку «Устюшенька, моя душенька!» Сильный, бодрый, упитанный, полное, холёное, чисто выбритое лицо, пышные чёрные усы, обликом схожий на барина, в полном расцвете творческих сил, на тридцать седьмом году своей жизни он, как говорится, в коренном дрызгу! В селе Василий Ефимович среди мужиков пользуется большим авторитетом и уважением.

Среди шума и пьяной кутерьмы слышалась песенка, петая Дунькой Захаровой: «Трубо-чиста любила, сама чисто ходила во зелёный сад гулять!» Как бы соревнуясь с ней, Николай Смирнов пропел свою любимую песенку: «Эй, вы, ребята! Эй, вы, кадеты! Не робейте никому! Я под солнышком иду!» – слышалось его задорное пение. И вынув из кармана пачку папирос «Стенька Разин», Смирнов, закулив и ухарски пыша дымом, запел «Хаз-Булат», и, бросив эту песню на первом куплете, вздумалось ему запеть другую:

– Как это запеваётся, песня, в которой поётся «В хуторочке жила молодая вдова», – допытывался Смирнов у соседей по лавке, где он сидел.

– Нет, давайте споём «Коробушку, коробушку!» – требовательно голосила Дунька.

Эту песню, причём под гармонь, спели сполна, пели всем пиром, не пел если только один Яков Забродин.

– Все поют, а ты что молчишь, сидишь как пень среди леса! – приставая, наседа на Якова сидевший по соседству с Яковым Алёша Крестьянинов и, вертляво болтая своей головой, уговаривал, чтоб Яков пел.

– погоди, выпью! – отговариваясь от назойливого Алёши, Яков взял со стола наполненный самогонкой стакан, выпил, а выпивши, как обычно, зычно крикнул и, вместо того чтоб закусить, зубами хвalebно, показывая своё искусство, разгрыз край у стакана.

– Ты что пьёшь, а не закусываешь? – спросил его Алёша.

– Я что сюда жрать пришёл, что ли?! Что мы не едували, что ли?

– Ну, давай песню петь! – не отступал от Якова Алёша.

– Я бы пел, да не умею, – признался Яков.

– А научиться хочешь?

– Конечно, хотелось бы!

– А хочешь я тебя научу?

– Я и больно бы рад!

– Ну, так слушай мою команду! Делай рот корытом.

– Ну, сделал! А дальше что? – детально подчиняясь научениям Алёши, наивно, но с хитрецей отвечал Яков.

А Алёша продолжал:

– Набери в себя побольше воздуха!

Яков, вдохнув в себя с доброе ведро воздуха, напыжился, щёки его надулись словно мячики, залоснились от пота, глаза из густой заросли ресниц и нависшихся бровей вылупились.

– Теперь старайся с силой воздух выдыхать из себя, а где надо – вдыхать в себя. Производи при этом разные звуки, приглядываясь и прислушиваясь к остальным поющим около тебя людям, и у тебя получится песня.

По Алёшину указанию Яков исполнил всё в точности и так сильно рывкнул во всю комнату, что от содрогания воздуха висевшая в углу у потолка стеклянная лампа упала на пол и разбилась. Все разом дружно ахнули смехом. Хозяин за разбитую лампу Якову не выговорил, он только велел Ваньке подобрать осколки и выбросить их.

– Кто во время выпивки не поёт, тот скоро пьянеет! – продолжал разговор о пении Алёша, уже с научной точки зрения поучая Якова.

– Ну, и что за беда, – не возмущаясь, отозвался Яков, – для того и пьют, чтобы спьяниться, а кто не хочет пьяным быть, тот не ходи по свадьбам! – заключил Яков.

Меж тем, один подвыпивший старик-бородач, задумав чем-либо привлечь к себе внимание людей, сидя за столом, пропел свою, видимо, любимую песенку: «За работу мы не дорого берём. Мы до смерти работаем, до полусмерти пьём!» и уже без напева добавил: «Работаю за семерых, пью за пятерых, а ем только за троих».

Наряду с изобильным угощением самогонкой по сельскому обычаю гостей стали угощать обедом. На столы подали горячие, прямо из печи щи со свиной. Яков, не попробовав и не подув в ложку, с особым азартом и аппетитом щи залпом вылил из ложки в рот. Нежная кожа во рту облезла пелёнкой. От боли зажав рот ладонью, Яков грозовой тучей вылез из-за стола, направился к выходу. По громкому топанию его разлапистых ног можно было определить, что он сильно обиделся на то, что не предупредили, что щи сильно горячи. Он решил после этого больше не знаться с хозяевами этого дома. Николай Ершов же, сидя за другим столом, дождавшись, когда щи остынут, напористо принялся за них, поддевая ложкой кусочки свинины, он так старательно увлёкся едой, что не чувствует, как с него градом катится зернистый пот, и не заметил, что произошло с Яковым.

– Митьк, дай закурить! – спросил Гришка, когда обед закончился гречневой кашей.

– Поменьше надо петь, а свой иметь! – заметил ему Митька.

– Я своего-то не успел натяпать, в печурке сохнет.

Выдерживая свой капризный нрав (какие обычно бывают у этой категории людей), гармонист, отдыхая от игры и набираясь сил, в подвыпитии молчал, молчала и его гармонь, а вот наступил момент – и гармонь внезапно рявкнула, так призывно и требовательно, что из-за столов смысла целую дюжину мужиков и баб. Первыми в пляс пустились Смирнов и Дунька. Запястьем левой руки упёршись в бок, в правой руке над головой носовой платочек, махая им, кружась на одном месте, она павой прошлась по свободному от людей полу и, лихо притопнув ногой, кружась, пошла в пляс. А Смирнов, обхватив свою талию руками, по-молодецки присвистнув, по-щегоольски присев и фигуристом выламывая ногами замысловатые вензили, тоже пустился в пляс. Сам Василий Ефимович, видя, как лихо отчеканивает ногами его друг Смирнов, выскочив со своего места, раскрасневший от выпитого, во всю ширь растопырив руки, турсуча локтями в пышные разопрёвшие бабьи груди, он задом расталкивал неподатливый народ: гостей и глядельщиц. Стараясь расширить круг, он властно и требовательно кричал: «Шире круг! Шире круг! Раздайтесь пошире! Вам говорят!» А Смирнов и Дунька, подзадоренные хозяином, плясать принялись ещё азартнее, не жалея подмётков, молодецкато притоптывая ногами. В общую кутерьму пляски вступили ещё с полдюжины баб. По растревоженному кружащимися бабьими сарафанами воздуху понесло по избе сладковатым бабьим потом вперемишь с неприятным запахом нафталина.

Наплясавшись до усталости, запыхавшийся Смирнов подошёл к гармонисту и требовательно попросил: «Дайка сюда гармонь-то!» Гармонист недоуменно выпустил из рук свою гармонь. Николай Фёдорович, впервые взявши в руки гармонь, заиграл на ней так виртуозно и залихватски, что все прислушались, прекратив пляску. Он оказался не только искусным плясуном, но и спецом владеть гармонью. Хотя в его игре и не было привычных сельскому слушателю мелодий, но было есть чего послушать. Под его музыку даже расплясался молчаливый и неповоротливый Гришка, которого тут же уняла жена:

– Перестань, сатана, от трезвого-то слова не дощупаешься, а тут откуда что взялось!

А за столами пьяные безудержно и надоедливо лезут к молодым целоваться, слюняво разевая рты который раз уже поздравляют:

– С законным браком! Горько! Живите душа в душу!

Всюду, куда ни глянь, сузившиеся от бесстыдного смеха глаза, пьющие сквозь зубы рты, неторопливо жующие рты, маслено-слюнявые губы, весёлый скал зубов, обращающие направо и налево вертлявые головы, любопытные взгляды, скромные словечки, гмыканье и усмешки, задорное бабье хихиканье и по-жеребьячьи мужское гоготанье и прочие свадебные атрибуты. Заискивающее мужское подмигивание, любезные вненарок поцелуи и нахальное щупанье.

– Убери свои грабли-то, куда лезешь!

– Чай у меня свой не хуже тебя, вишь, он у меня какой – козырем смотрит!

– А ты звездани ему по брылам-то, он и не полезет!

– Эх, я вчера снова Гришку и отбузовала!

– Эт ты за что его?

– Так, за дело: не напарывайся до такой степени. Мало того, что налыгался до свинства, что едва до дому я его дотащила и едва в избу впёрла, так он весь облевался, обваландался весь, едва отмыла. А легли спать, так он уснул как мёртвый и, как дохлый телёнок, всю ночь проспал – до меня ни разку не дотронулся. Вот за что! – чистосердечно призналась молодая баба, жалуясь на своего Гришку соседке по лавке.

– А мой Митька вчера ночью чуть не подох. Вчера на пиру-то налопался, как свинья, бесчувственно, до шлёпка, а ночью не то притворился, не то на самом деле присудобился помирать. Лил себе в глотку-то без меры, а закусывать – не закусывал. Вот и приспичило. Я в испуге выбежала на улицу, заорала «Митька умирает!», народ взбулгачила, людей взбузыкала. Спасибо, люди помогли, кто водой холодной отливает, кто молоком отхаживает, а бабушка его

крапивой похлыстала, волдырей ему понаставила, так общими усилиями и спасли его. А то бы нынче не о пире заботились бы, а о поминках хлопотали бы.

Да, вино без жалости валит мужика, в приволье он напивается до одури, беспомощно валится вразяжку, а утром бредёт на опохмел. В общем, повальная пьянка, пьянка в повалуху! К концу пира некоторые гости накулюкаются так, что становятся совсем немощным. Одна баба с непривлекательной физиономией, подходящей для исполнения роли ведьмы или бабы Яги, раскосматившись, совсем одуревшая от самогонки, настойчиво уговаривала соседку петь песню:

– Я не умею! – скромно отказывалась та.

– А ты сделай рот варежкой, разевай его шире варежки и пой!

И это не подействовало на неспециалистку в пении песен, скромницу. А та решила, чтоб чем-то привлечь к себе внимание всех присутствующих на пиру, удивить и перещеголять всех своим искусством, дико визжа, она демонстративно взобралась на стол, ногами швыряя с него тарелки с закуской, она стала ошалело плясать, а в завершение всего этого она подняла выше колен подол своего сарафана, обнаружив при этом свои розовые ляжки. Молодёжь стыдливо отвернулась, а пожилые, да и муж её с ними дико загоготали, и пьяные, лоснящиеся от жары и самогона их рожи расплылись в гаденьком хихикающем поощрительном смехе. После скотской, поганенькой выходки эта баба принялась ругаться с той бабой, которая сидит полутрезвой и не подчиняется полуприказам участвовать в её диком веселии. Назвала её трезвой дурой. Та, видимо, находчивая в речах, дала ей отповедь: «Чья бы корова-то мычала, а твоя-то бы молчала!» Это слово в корне не понравилось разбушевавшейся бабе, между ними завязался спор, а спор перерос в драку. Они, взаимно вцепившись друг дружке в волосы, начали таскаться, волтузиться, обоюдно стараясь повалить противника на пол и задать пинка. Разнять их удалось только их мужьям, спокойно наблюдающими эту сцену до этого со стороны.

По домам с пира пьяные возвращаются на карачках. Некоторые будучи уже совсем пьяными и еле держатся на ногах, но при уходе из гостей «на дорожку» просят ещё, чтоб ему подали «подожок», сознавая всё же, что, переступив порог дома, где был пир и вино лилось рекой, он, уйдя домой, уже не увидит выпивки до самого утра – до общего опохмеленья.

– Уж не выламывайся! Чай, знают попа и в рогоже! – обрушилась на своего Гришку его жена, выпрашивающего на дорогу выпить последний, завершающий стаканчик. – Налил zenки-то! Пошли домой! Лукавый! – тыча кулаком в загорбок, силком вытюривала его за дверь. – Уж сытый, а всё просит. Зюзя! – ворчала баба на своего мужа.

Через чур пьяный Ершов, барахтаясь, валялся в сених на голом полу. Он, видимо, беспризорно оставлен своей женой на произвол судьбы. Пьяно выкобеливаясь, он, видимо, ещё не совсем потерял свои чувства и, наверное, одним ухом, а всё же слушал, что происходит вокруг.

– И мне подайте выпить! Я совсем ещё трезвый, мне стыдно являться домой непьяному, – полусонно бормотал он, чтоб как-то привлечь к себе внимание распорядителей пира. Но его никто не слышал, и его просьба была бесполезно напрасной, как «глас вопиющего в пустыне».

Сердясь на то, что его никто не слышит и на него ноль внимания, он в адрес хозяев осуждающе брюзжал и погано ругался матом. Требование «выпить» всё же было услышано. По-свински пьяному Ершову всё же кто-то подал стакан самогонки. Он выпил и тут же из него всё выхлестнуло.

Только под самый вечер пьяные гости стали расходиться по домам, кто с песнями, обнявшись на пару с женой, кто, дико горлая и пьяно куролеся, тащится, еле передвигая ноги, забредая во все закоулки, качаясь, спотыкаясь, бормоча и матерясь, ошалело, очумело натываясь на мазанки и погребушки.

Как совсем уже свечерело, отоспавшись и несколько вытрезвившись, Ершов продрал глаза, встал, очумело огляделся. Зайдя в избу, он смело выпросил себе «подожок». Ему налили

и подали полный гранёный стакан самогона. Он выпил одним залпом. Отказавшись от предложенной закуски, он только и сказал:

– Ну, я пошёл!

Выйдя от Савельевых и ковыляясь, дойдя до ворот Настасьина двора, Ершов, припавши к столбу, облегчённо опорожнился. Выпитый стакан «на старые дрожжи» Ершова стал «разбирать», и он, чуя новую одурь в голове, полубессознательно забрёл во двор, а потом очутился в пустующем Настасьином пристенке, забрался на печь и уснул, как дома...

Имеют же некоторые мужики способность и нахальство уговорить чужую бабу и соблазнить её, особенно, когда она пьяна и сама себе не хозяйка. Так и на этот раз Смирнов уговорил Дуньку, и они вместе, найдя себе место пристанища в темноте вечера вдвоём забрели в тот же пустующий Настасьин пристенок...

На третий день свадьбы в доме Савельевых снова общий опохмел. «Заботливые» мужики, спозаранку проснувшись с трещащими по всем швам головами, снова притащились к Савельеву на опохмел. А где опохмел, там воспоминания и рассказы о вчерашних происшествиях.

– От чего заболел, тем и лечиться надо, – поучал молодых мужиков один пожилой уже мужик по прозвищу Вагон, закусывая студнем после выпитого полного стакана самогонки.

– А я вчера в лыко опьяневшего Степашку еле до дому допёр, всё потаском его волок, – как о чём-то примечательном сообщил мужикам Никита.

– А я, знать, вчера, изволозил на себе новые брюки, уж меня баба-то! баба-то! – охотно поставил в известность о вчерашнем всех присутствующих один молодой мужичок, толкая себе в рот кусок неочищенной колбасы.

– А со мной, братцы, вчера произошла довольно-таки забавная картина, – неторопливо начал свой рассказ Ершов, после того как он с азартом выпил и смачно закусил. – Не помню, как меня черти занесли в пустующий Настасьин пристенок, видимо, был чрезмерно пьян, трезвого бы черти не занесли, – оговорился он. – Ну, значит, забрёл я в этот пристенок и залез на печь и там в углу пришипился, видимо, приготовился храпануть как следует. Вдруг слышу в сенях послышались шаги, я сильнее притаился и ни гугу. Слышу, в избу вламываются двое, в темноте не пойму кто, а чую – вроде мужик вдвоём с бабой. Впёрлись они в избу-то и начали приглушённо шептаться. Расположившись на кутнике, они зашебуршились, как мыши в коробу. Они своим делом так увлеклись и не подозревали, что я тут, и завозились. Я, любопытства ради, маскируясь темнотой, опёршись о подати, попялился доглядеть, кто и с кем, меня распирало и одолевало любопытство дознаться, кто и с кем. А самого неудержимо, как магнитом туда же тянет. Нет терпенья женское тело облапать хочется. Крайняя доска у полатей моей натуги не выдержала, с места съездынула, и я со всего-то маху как грохнусь, да прямо на них и нахренакнулся. И поднялась тут невообразимая паника, кутерьма и суматоха. Я их испугался, что сердце в пятки ушло, а они, видимо, ещё пуще меня перепугались, да так, что впотьмах-то не поймут, в чём дело. Они, наверное, подумали, что на них сам чёрт с печи слетел. Они с испугу-то всполошились, вскочили с кутника и драпа! Я остался один, а когда со мной испуг-то прошёл и я немножко очухался, так рассмеялся, с хохота едва не лопну, хоть обручи на меня набивай – и грех, и смех, одним словом.

Николай Смирнов в это время поодаль от мужиков, разговаривая с Василием Ефимовичем о чём-то дельном, половину рассказа Ершова не расслышал, а потом заслышав, о чём речь, насторожился и понял, кто вчера помешал им с Дунькой и нагнал столько непредвиденной страсти на них. Покончив разговор с хозяином дома, Смирнов передвинулся поближе к Ершову и стал всячески над ним измываться, чтобы отомстить за вчерашнее.

– И чего ты тут, Кольк, рассусоливаешь как корова под седлом!

– Погоди, тёзк, вот выпью, потом скажу, – с наивностью в голосе отговорился Ершов.

– Да ты и так пьяный, вишь, весь побагровел!

– А почему ты меня считаешь пьяным-то, ты ведь меня не поил? – отпарировал Ершов.

– Я бы тебя попоил, да не знаю, из какого ведра ты пить-то будешь: из чистого иль из поганого? – всегда находчивый в крылатых словечках огорошил его Смирнов.

И пошёл Смирнов всячески унижать Ершова унижительными словечками.

– Эх, ты, осиновое дупло! Прясло огородное! Вятель соломенный! Да у меня веник в избе почётнее содержится, чем ты у себя же в доме! Пошарь во лбу-то, не спишь ли?! Чучело гороховое! Ещё насчёт баб соображает – овсяная каша, сахар, мухи струя. А я вот без всякой «каши» обхожусь, бессилием пока не страдаю и бабы на меня не обижаются. К Дуньке как банный лист к прилипаешь, а она тебе после нужника понюхать не даст!

Оскорблённый и униженный перед мужиками, которые хотя и не в открытую, а всё же посмеивались над ним, Ершов присмирел, он только и мог вымолвить в адрес Смирнова:

– Ты, тёзк, не подыгрывай на сахар-то, он и так сладкий!

– Сладкий, так и помалкивай – не суйся со своим кувшинным рылом туда, куда тебя не просят!

– Вчерашние гости нам уж и надоели, мы их едва выпроводили, – неосмотрительно высказался Василий Ефимович о вчерашних гостях, которые долго не уходили и колобродничали около его дома, не давая покоя семье. – А вот этот гость вчера, знаете, чего отчубучил: взял да с пьяных-то глаз и напорол прямо у порога! – обличая сына Вагона Сергея в безобразии при его же отце.

Отец Сергея, вдруг вскипев, запальчиво и грозно выкрикнул на Сергея:

– Пошёл вон отсюда! Где жрал там и гадил! – негодуяще кричал отец на сына, показывая этим свою власть.

Сконфуженный Сергей, повинуясь велению отца, забрав с гвоздя свою кепку, вышел из дома на улицу в обиде.

В этот третий день свадьбы предстояло сделать ещё по одному пиру, так называемому «званьё», на который приглашались уже не все родные, как на первые пиры, а только близкие сродники. Из-за того, что уже надоело «гулять» звату Ваньке, некоторые отказывались идти на пир. Василию Ефимовичу пришлось самому оббежать некоторых приближенных родных.

– Зову, зову, никак не могу дозваться! На пир и то не йдут, дивуй бы на помочь, – жаловался Василий Ефимович мужикам, которые пришли без всякого званья.

– А ведь свадьбу-то надо догуливать, ни середь же пути её бросишь, – сочувственно поддакивали ему мужики.

Гостей всё же набралось достаточное количество, пир в доме невесты состоялся. От свата толпа гостей так же нанесла ответный визит, всё так же было много шума, песен и вдрызг пьяных людей.

На четвёртый день свадьбы, в день её завершения Савельевы сродники пошли в дом невесты на пир, так называемый «за гребнем». Суть этого пира заключается в том, что по окончании его подвыпившие мужички во дворе свата подбирают разное барахло во главе с гребнем невесты, грузят его на тележку или салазки и торжественно и демонстративно выезжают со двора на улицу, и по дороге следуют в дом жениха. Иногда для эффекта тут употребляется и огонь, зажигают то барахло, что погружено на колеснице или на санях. Здесь полный разгул вакханалии и пьяной удали, тут ломаются и кочевряжатся кто во что горазд. Всю эту процессию сопровождает толпа зевак, а шествие замыкают пьяные гости и «молодые». Под исход свадьбы пьяные гости и гости начинают изысканно дурачиться, придумывая разные забавы и проказы. Песни уже все перепеты, от пляски уже прохудились подмётки, от ожесточённого топання от обуви отлетели каблуки, так что наступила пора показывать свою удаль, кто во что горазд! Под исход недели решили пить вскладчину, справлять так называемые «перегулы». Толпой

во главе с молодыми ходить по гостям из дома в дом, по родным, с той и другой стороны. И каждый день, конечно, не обходя, для опохмеления, дом Василия Ефимович.

– У вас каждый день то пиры, то выпивка, одной закуски на такую ораву, наверно, ненапасимо? – сочувственно высказалась Любовии Михайловне соседка Анна.

– Это бы всё ничего, да вчера не вовремя к нам гости нахлынули, а у нас уже всё подисход.

– Не мудрено и подисход! – сочувственно отозвалась Анна. – Было попито и закусено!

– Да, мы с этой свадьбой совсем замыкались, затверкались – вздыху не было, – продолжала Любовь Михайловна.

– Да и гости-то разные бывают, некоторые и вина-то не стоят, – высказывался о прошедшей свадьбе Василий Ефимович. – Иные посторонние сами в гости напрашиваются, да хайло-то и растопыривают на чужое-то. От них никакого добра не жди, а самогонку лопают, как на каменку льют, – укорял он некоторых не по сердцу ему нахальных гостей. – Да и ты не подсказешь, вовремя не умеешь! Сказала бы, что вся самогонка и больше нету, они бы и разошлись, а то я щедро подтаскиваю, а они пьют да пьют, руками-то так и ловят, так и ловят стакан-то. Эх, нет в тебе никакого догадку! – с укоризною наговаривал он жене. – Да ты и угощать-то не умеешь, от тебя и гости-то уйдут черезовыми. Надо уметь угостить и напоить гостей, – продолжал своё высказывание он. – Эх, и вина много вышло за свадьбу-то! Двадцать вёдер самогонки. Васька Абаимов из Майдана навозил, да сам сколько нагонял, да вина красного сколь покупал. Ну, зато и попили – есть, чем помянуть. За неделю-то кто только у нас не побывал, кто только не попил, кому было не лень, все заходили и пили вдоволь и закуски съели с целый воз. А сколько ночей я гнал в бане, корпел в дыму, коптел, старался, глаза все выело – и всё выпили – вот они как детки-то достаются! – заключил он.

Бабы жарили добро. Ловля рыбы в Серёже

Мотовиловцы степенно отпраздновали Вознесенье, весело отгуляли Троицу. В понедельник в Духов день, только к глубокой ночи уgomонилось село, но где-то на берегу озера, около амбаров, где обычно гуляют девки с парнями, мелодично и призывно играла запоздалая гармонь. Лягушки в озере надсадно и разноголосно исполняли свой «болотный концерт»: одни азартно крикали, другие же громко уркали, как бы композиционно подлаживаясь к музыкальным звукам гармонии. Вскоре гармонь затихла, временно затихли и лягушки, всё село объяла очаровательная тишина, нарушаемая изредка выкриками какой-то ночной птицы и торопливым тарыхтаньем, слышанным из тростников, неутомной птички, камышёвки-барсучка. На поверхности озера отсветом от луны лежала светлая полоса, игриво переливаясь серебряной чешуёй. В стороне на темнеющей глади воды всплеснулся карась-полуночник – от этого места в разные стороны озера поползли круговые мелкие волны. Эта весенняя ночь словно в серебре купалась...

В селе воцарилась полная тишина, а над озером тишь и гладь – поистине вокруг «божья благодать». Избы села, понуро глядя окнами на улицу, выжидаяще встречали весенний зыбкий рассвет. На рассвете от поверхности воды озера лениво вздыбилась седая испарина, она неторопливо разгуливалась над водой. А село медленно, но настойчиво обнимает рассвет, жидкая весенняя темнота тает, небо всё светлеет и светлеет, а румяная заря всё бледнеет и бледнеет... Звёзды и луна постепенно меркнут. Отчётливее проявляются дома и деревья. В небе лениво плывут мелкие облака, а внизу на земле бриллиантами искрится роса на траве. Приветствуя рассвет, голосисто перекликаются петухи, из поля слышится призывной голос перепёлки: «Подь-полоть, подь-полоть, под-полоть!..» Где-то в конце улицы мелодично заиграл пастушечий рожок. Коровы, заслышав рожок, в лад ему замычали в хлевах, призывая хозяек к дойке. Слышатся сонливые окрики баб на беспокойных коров и звонкие, певучие удары молочных струек о дно дойницы. Приветствуя утро, весело щебечут летающие в воздухе белобрюхие ласточки. Приятная прохлада по-весеннему тёплого утра заставляет бодро вздрогнуть человека, вышедшего на улицу в эту рань. Спокойная, торжественная тишина, деревья застыли в безветрии. С озера пахнуло прелой водяной сыростью, от дороги запахло осевшей за ночь пылью. Кошка, боясь случайных собак, опасно озираясь кругом, притаённо перебежала с одного порядка улицы на другой. Во дворах, опоражниваясь, коровы громким шлёпаньем кучей укладывают «лепёшки», перемежая длинным всплёскиванием жидкости. Бабы, выпроводив коров из ворот и сдав их под опеку пастуха, уходят опять в избы – досыпать, а мужики, сходяв за задние ворота по своей естественной надобности, принимаются запрягать своих лошадей и отправляются в поле, пахать под пар.

Рассвет, властно выметав из укромных мест и закоулков остатки утренней сизой мглы, приготовил путь яркому лучу восходящего солнца, который, не замедлив, смело глянул в избу через боковое окно, приветливо осветив внутренность, чётко обозначив предметы и утварь. Восходящее солнышко сначала осветило верхушку колокольни, а потом его лучи коснулись макушек вётел и берёз. Нежно-зелёные листочки, тронутые ветерком, робко затрепетали, не издавая малейшего шелеста – они были ещё так малы, что при колыбании не касались друг друга.

К полдню солнышко воздух так разогрело, что вокруг стало парить, кругом духота и весеннее блаженство природы. Бабы давно ждали такого денька. Они в этот тёплый солнечный день решили прожарить своё добро. Первой вывесила на растянутых верёвках одежду Анна Крестьянинова. Она, открыв дверь мазанки, то и дело ныряла в её приземистый проём и, стуча крышками сундуков, извлекала из них слежалый, пахнувший мышами и нафталином наряд,

с гордостью и степенством развешивала его на шесты и верёвки. Завидя Анины хлопоты с развешиванием добра, Любовь Михайловна, поспешно закончив свои дела около печи, тоже поспешила в свою мазанку и, широко расхлебав дверь, принялась выволакивать и развешивать на солнышке своё добро. Дарья Федотова, не отстав от своих шабрёнок, немедля тоже занялась развешиванием своего добра.

Перед этими тремя соседскими домами улица красочно расцветилась красивыми цветными нарядами, развешенными на традиционную летнюю прожарку. Тут развешены были: шубы, кафтаны, курточки, пиджаки, цветные шали и цветастые полушалки. Любят бабы по весне своё добро на солнышке прожаривать, чтоб оно просохло, чтоб его солнышком прожгло – моль уничтожило, чтоб ветерком пообдуло – гниlostный запах слежалости улетучило. Освободив все сундуки и поразвесив всё добро на шестах и верёвках, бабы, горделиво осмотрев своим довольным взором «своё хозяйство», собрались в одну кучу и с блаженством расселись на траве в тени Савельевой берёзы, вооружившись гребешками.

– Ох, у нас в трёх домах добра-то словно на Нижегородской ярмарке, – с довольной улыбкой заметила Анна.

– Пусть прохожие люди дивятся и завидуют, – проговорила Дарья, зная безграничную бабью зависть на чужие наряды и добро.

– Нынче солнышко-то вон как печёт, небось, за уповод всё выжарится, – высказалась Любовь Михайловна. – И что за издивленная вещь – каждый день утром откуда-то возьмётся и появится солнышко, ласково обогреет землю, а вечером оно куда-то денется, и так изо дня в день, из года в год, и никто не может узнать, что это за премудрость божья! – добавила она, высказав своё замечание о загадочности смены дней и ночей.

– Так, видно, Богу угодно, – ответила на это Дарья, как самая старшая из баб.

– Как, бишь, вы со свадьбой-то разделались? Вы всю неделю гуляли, как я ни погляжу, у вас каждый день была выпивка.

– Эх, чай, и вина, и закуски много вышло? – сочувственно и с удивлением обратилась Анна к Любови Савельевой.

– Как гору с плеч свалили! – облегчённо ответила Любовь и продолжала, – Зато всё выпили, даже капельки не осталось! – с нескрываемой гордостью объясняла она бабам-соседкам.

– Делала я к свадьбе настойку, самогонку настояла на сушёной вишне, так и ту выпили. И догораздило меня вишню из-под настойки вывалить на дворе, подскочили куры, всю вишню склевали и опьянели.

– То-то я гляжу ваш петух, видимо, с пьяных-то глаз за нашими курами всё гонялся, – с довольной улыбкой проговорила Дарья.

– Про петуха я ничего не могу сказать, а вот куры, не знай с этого, не знай ещё с чего, снова занеслись, а то было совсем нестись перестали, – осведомила баб Любовь о несучести своих кур.

– А сколько у вас кур-то? – спросила Анна.

– Двенадцать старых, да вон клушка с пятнадцатью цыплятами ходит, – ответила Любовь, кивком головы указывая на заботливо квахтающую насадку, которая, стараясь удерживать цыплят около себя, опасливо озиралась вокруг и беспрестанно громко квахтала, предостерегала своих резвящихся жёлтеньких цыплят-малышей.

– Всё же удивительно, как стали коров в лесу пасти, так коровы раздоились, молока прибавили, моя Ждашка вечер с полдюжины надоила, а уж вот-вот её запускать надо – скоро отелится, – проговорила Любовь перед бабами.

– Так это она у вас на издои, а какая вымистая, – с удивлением высказалась Дарья.

– Она у меня ведёрница, – с гордостью в голосе заметила Любовь. – Как отелится – по ведру молока надаивает и не подолгу меж молоко ходит. Я уж её запускать собираюсь, она скоро отелится – телёнок уж высоко и в бока толкается.

– А ты сама умеешь коров шупать-то? – поинтересовалась Дарья.

– Да тут и шупать нечего, он сам о себе напоминает. Вечер села я коровушку доить, головой к боку прильнула, а он как толкнёт меня в голову-то – я инда вздрогнула.

– А наша, видно, зубы ронит – ест плохо, ещё середь великого поста отелилась. В Пасху-то мы разговлялись с молоком, его было вдоволь, а мясо-то у нас в диковинку. Надеялись на телёнка, думали, его заколим, а он хоть бы был телёнок как телёнок, а то какой-то замухрыстик задристаный, доброго слова не стоит, – критично о своём телёнке высказалась Дарья.

– А мы кажонный год по две свиньи выращиваем, так что мясо без перевода едим, – как бы подзадоривая и раздражая Дарью, высказалась Любовь Михайловна.

– А я свою корову всё стараюсь выдаивать дочиста, а то она может испортиться, молоко в выме перегореть может, – ужимисто улыбаясь проговорила Анна. – Третьёво дни, вечером доила я, а мухи корову закусали, она забеспокоилась и ляпнула ногой мне прямо в дойницу, всё молоко пролила, ни капельки не осталось. Такая жалость! – сокрушённо поведала Анна бабам о своей беде.

– А я нынче утром стала вынимать хлеба из печи, гляжу, а у караваев верхнюю корку больно вздрало. От чего бы эта оказия могла быть, от муки или от закваски, бабы, как повашему? – озабоченно спросила Дарья соседок, сделав опечаленным семейными заботами изборождённое морщинками своё лицо.

– Всего скорее от закваски, закваска стара – силу потеряла, тесто вовремя-то не взшло, а как оно попало в печную жару, так быстро стало подниматься – вот корку-то и вздрало, – со знанием хлебопечительного дела высказалась Анна.

– Хоть и неудачные хлебы, а семья моя с большим ваппетитом и всласть его ест. Пускай себе едят, в охотку и досыта, когда-нибудь и удашные я испеку.

– Как в сказке-то сказано: «Если бы Красная Шапочка не съела кислого яблочка – не видать бы ей и сладкого», – добавила Дарья.

– Не знай, нынче наши ребята наловят рыбы-то в Серёже иль нет? – перевела Любовь разговор на ребят, ушедших на реку рыбу ловить.

– Эт бы гоже, если бы они хоть по немножечку наловили, и то подспорье к хлебу-то, – проговорила Дарья.

– Рыбы-то, бают, в Серёже-то уйма! – жеманно улыбаясь, заметила Анна.

А на реке Серёже в это время шум, гам, озёрная беготня, задорная кутерьма и суматоха. Воспользовавшись слухами, что в реке с половодья появилось столько рыбы, что хоть руками гребь. Вот в этот солнечный тёплый день туда и направилась целая ватага ребят-рыболовов с саком и бреднем. Тут были: Павел, Сергунька и Санька Федотовы с бреднем, Мишка с Панькой Крестьяновы с саком, и в компании с ними Минька, Санька и Ванька Савельевы.

Счастливые всё же люди тех сёл и деревень, вблизи которых протекает вот такая замечательная речка, как Серёжа. Извилистое русло, живописные крутые берега, поросшие вербником и ольхой, заливные поймы, песчаное узорчатое, волнистое дно, прозрачные песчаные отмели, мутные, с тихим ворончатым течением омуты, значительное течение воды на стремнищах.

В Серёже водится рыбка: щука и язь, налим и вьюн, окунь и ёрш, плотва и гольцы. Над поверхностью летней убылой воды иногда стремительно пролетает небольшая стайка куликов-перевозчиков с громким криком: «Тири, тири, тири, ти-ти». Вот и для мотовиловской ребятни речка Серёжа – это стихия для летнего местопребывания, стихия забав весёлого купания и занятой увлекательной рыбной ловли. В узком месте русла, где стремительно бурля

течёт вода, построен через речку мост. По нему мужики ездят на водяную мельницу в дальний лес. Под мостом, хлопотливо журча, вода, теча, бесперестанно облизывает сваи. В этом месте берег крутой, обрывистый, вода годами подмывала его, от чего образовалась круча...

Павел с Минькой, растянувши почти во всё русло реки бредень, побрели встречь течения. Вода упруго давит на бредень, сдерживает ход. Мишка с саком в руках, в подтык к берегу, бредёт саком сбочь бредня, не давая рыбе ускользнуть помимо бредня. Остальные ребята «сухачи» с кошелём и портками тех, кто в воде, в ожидании улова идут по берегу к месту, где намечен выбред. Первый выбред особо азартен, все с нескрываемым интересом, взором устремились на плывущую в воде сумку бредня. Выволакивать на берег бредень помогали все. Из полотна, вытащенного на песчаный берег бредня вода потоком хлынула в реку, в длинной бредневой сумке затрепескалась рыба. Первый улов не столь богат, сколько азартен. Санька с Ванькой, да и Панька тоже бросились выбирать из бредня трепещущую плотву и гольцов, Минька за жабры ухватил изворотливого шурёнка, а Павел долго возился с неподатливо скользким налимом, который упрямо не поддавался в руки, ускользая из них. Пойманную рыбу с торжеством уложили в кошель, там, бившись о лычные стенки, затрепыхались плотва и шурята в безводьи, ожидая своей кончины.

За первым забродом последовал второй.

– Вы, знаете, что, валяйте-ка пробредите вон вдоль того крутого бережку по тине, там, наверное, шурят уйма, видите, как вода-то от рыбы бурлит, а выбредайте вон около той излучины на отмель, – наказывал Мишка Павлу и Миньке, приготовившимся снова спуститься в воду. – Да исподволь гребите, не спеша, крепче ногами за дно держитесь, а то как бы тут на колдобоину вам не напороться, – поучал ребят Мишка. – А ты, Сергуньк, с боталом тоже в воду лезь, рыбе улизнуть не давай, пошугивай, а я вот по этой вымоине саком пробреду.

Павел с Минькой по грудь погрузившись в воду натужно тянут бредень, который упруго сопротивляется, влекомый течением назад. За что-то зацепившись, бредень совсем застрял, перестал поддаваться усилиям тянущих его.

– Видно, за что-то задели! – озабоченно крикнул Павел из воды.

– Ну-ка, Саньк, слезай в воду, отцепи! – крикнул Минька брату.

– Тут больно глубоко, – с боязнью отозвался Санька. Его объял страх, что надо лезть в такую глубь и в холодную воду.

– А ты не отлынивай! – приказно окликнул его Минька.

Осмелившись, Санька, сняв портки, бултыхнулся в воду.

– А ты легче, рыбу-то всю распугаешь! – упрекнул его Мишка.

Санька, в воде нащупав ногой зацеп бредня, окунувшись рукой, отцепил его от затонувшей коряги.

– Готово! Пошли! – крикнул Санька Павлу и Миньке.

За изгибом реки на песчаной отмели бредень выволокли на берег. В полотне бредня и в этот раз, извиваясь кольцами, затрепескались плотва и шурята. Мишка, пробредши по взмученной воде, удачно поддел под вымоину берега, поспешно вынул из воды сак, в нём забилась, затрепыхалась рыба, отливая серебром, на солнце заблестела чешуёй, крупная плотва.

За изгибом реки, возле заброшенного ёза – омут, мрачной темнотой зияет глубь. Тут река особо широка и здесь вода вровень с берегами. Около противоположного берега, где растут прибрежные кусты ольшаника и вербы, глубина особенно значительна. Там медленное течение ворончатой коловёртью гоняет шматки взбившей пены.

– Миньк, перебирайся со своим кокишем к тому берегу, а я вдоль этого побреду, – предложил Павел Миньке.

– Эх, тут, наверно и рыбы – лафа! – восторженно проговорил Сергунька.

Обманчиво с берега смотреть на воду с целью определения глубины, отсюда кажется, что глубина-то не особо велика, на отмели хотя и мутно, но видно узорчато-волнистое песчаное

дно. Глазомерно обозрев речную ширину, Минька наугад напрямик направился к тому берегу, держа в руках кокиш бредня. Его тело всё ниже и ниже погружалось в воду. Уровень воды дошёл до груди, а вскоре он, как бы оскользнувшись, совсем с головой погрузился в воду и, тут же всплыв, захлёбываясь, стал отплёвываться от попавшей в рот воды. Смытая течением с его головы кепка, кружась, лениво поплыла вниз.

Огребаясь руками, Минька вплавь добрался до берега, рукой уцепившись за торчащий корень затонувшей в воде коряги. В прибрежных кустах тревожно тювикнула вспугнутая птичка, она, вспорхнув, улетела и скрылась в густом вербнике, откуда слышалось со щёлкиванием пение соловья. В этот необычный по трудности заброд в бредень попало немало рыбы, кошель пополнился ещё трепескавшими щурятами, плотвой, окуньками и ершами. А в глубине омота, там, вблизи берега, где вода просвечена лучами солнца, кишмя кишит плотва – мельгуза беззаботно мельтешится в воде, блестя серебряной чешуёй.

После заброда в большой заводе ребята выволокли бредень на берег с травянистой тиной и не меньше десятка выюнов. Из заводи пробрели по стремнине русла. Из травянистой береговой отмели вспугнутая дремавшая на солнечном пригреве щука шарахнулась вглубь, она, видимо, с испугу метнулась наутёк, а попала в бредень. Чудно было, как она с разлёту стукнулась в полотно бредня.

– Наверное, бредень прорвала! – встревоженно проговорил Павел. – Сергуньк! Что устроил глаза-то? беги с боталом-то наперерез ей, а Мишка с сакм её подстережёт!

Вспокоенный Сергунька с боталом в руках по мелководью ринулся щуке вдогонку.

– А ты прытче беги. Что плюхаешь, как корова! – обрушился на брата Павел.

Сергунька ещё пуще заспешил, по-саженьи запрыгал по воде своими длинными голыми ногами. От его в разные стороны разлетались брызги, в которых радужно отсвечивались разнообразные краски.

Заприметив место, куда метнулась щука, опередив Сергуньку, по берегу бросился в бег Панька. Намереваясь настигнуть и преградить путь отступления щуки в омут, он прямо в одежде бултыхнулся в воду. Но щука, видимо, проскользнув по воде, поросшей осокой, всё же успела увильнуть вглубь реки, её больше обнаружить не удалось. Щучья хитрость, видимо, спасла её от бредня. Меж тем, Павел с Минькой выволокли бредень на песчаную отмель. Павел, нащупав и обнаружив прорванное место бредня, с удивлением воскликнул:

– Миньк, глянь-ка, вот она где саданул!

– Эх, вот ещё какую дырищу просадила! – сожалея отозвался Минька.

– Эт, чай, ни одна и та же?

– Конечно, не одна, их тут, наверное, целая уйма гуляет. Видишь, вода-то в осочке-то так и бурлит, так и бурлит от разгулявшейся рыбы.

– Вот беда! Бредень-то у нас оказался трухлявым, худым бреднем, пожалуй, больше ничего не поймает!

– Поймает. Вот у меня в кармане нитки есть, сейчас дыры залатаем – и снова в воду!

В это время Санька в бредне обнаружил ленивого налима, взял его в руки, а он выскользнул – и в воду. Вообще-то лов был удачным, они наловили с полпуда разнорыбья. Умаявшись, ребята устало разлеглись на пригретой солнцем траве отдыхать.

Старинные деньги. Покупка веялки Савельевых

Люди во многом стали рассудительней и благоразумней, в отличие как раньше при царе: не стали деньги копить и беречь их на «чёрный день». Наученные горьким опытом, когда в революцию деньги, заложенные в банк, «лопнули», вечную землю и лес просто-напросто отобрали. Теперь же при новой жизни на деньги стали покупать товары, приобретать для своего хозяйства инвентарь, сбрую, одежду, обувь, улучшили своё питание, стали заново строиться, в общем, стали полнее удовлетворять свои бытовые запросы, стали грамотнее, стали поднимать свой культурный уровень. Деньжонки же у некоторых появились в достаточном количестве, особенно у тех, у которых токаря работала бесперебойно и в ней трудилось три или четыре человека. Некоторых не покидала мысль, что старинные деньги, лежащие в сундуках в качестве ценных бумаг должны «пойти» в ход. Даже Василия Ефимовича Савельева радовала эта мысль. Вынув из сундука красивые, художественно оформленные зелёные сотенные «Катеньки» с двуглавым орлом, невзрачные «керенки» и советские дореформенные бесценные «миллионки» — уже с серпом и молотом, деньги первых годов нового режима, он, любуясь, приговаривал:

— Какие всё же красивые эти самые «Катеньки»! Неужели они не пойдут? — делился он мнением с Любовью Михайловной. — Не может быть, чтобы такие красивые деньги «не пошли», а особенно вот эти — они ведь с серпом и молотком и вовсе должны снова пойти, ведь их выпустила Советская власть. Как ты всё же думаешь, пойдут, ан нет? — допытывался он у жены.

— Да вроде как, по-моему, они должны пойти, — участливо успокаивала советом она его и предлагала: — А ты спрячь их опять в сундук и пусть лежат до поры, до времени.

И он с деловитой бережливостью клал старинные «неходячие» деньги снова в сундук рядом с новыми «ходячими» — червонцами, которых у него уже скопилось немало.

— Вон, слышь, Лабин-то «триер» купил, сортировку, которая, бают, больно хороша для хозяйства: любой хлеб в зерне очищает от всяких негодных примесей, от лебеды, куколя и головки.

— А нам бы хотя веялкой обзавестись, тоже ведь неплохо. Лопатой не вей и по людям не ходи, веялки не добивайся, — внесла предложение от себя Любовь Михайловна.

— Ну что ж, возьмём и купим! — согласился Василий Ефимович. — Завтра же с Ванькой в город за веялкой и поедem. Кстати, завтра пятница, как раз азартный день.

За последние три года Савельев стал заметно разживаться, как говорится, «стал жить-поживать, добра наживать»! Его хозяйство стало из году в год крепнуть и развиваться. В своё время он начал с перестройки и расширения своих построек.

Перво-наперво, перебрал у дома верх, сменил охлупные брёвна, покрыл дом новым тёсом. Построил новый широченный и высоченный, не имеющий себе равного во всем селе, по высоте своей уступающий только колокольне, двор, расширил мазанку, подрубил амбар, перестроил сарай, перебрал баню. Справил новую сбрую, купил добротную крашенную телегу на железном ходу, обновил инвентарь, а теперь решил купить веялку. Обеспечив семью хорошим питанием и добротной одеждой и обувью, у него «зашевелились» в кармане и свободные деньги, которые он решил не скапливать на «чёрный день», а пускать их в дело, посредством их приобретая в хозяйстве нововведения, которыми он дивил некоторых односельчан. Через здравый ум, трудолюбие, заботливость и рационализацию в своём хозяйстве он вошёл в первый ранг людей села.

Решив завтра же поехать в Арзамас для покупки веялки, он предупредил сына:

— Ваньк, завтра спозаранку мы с тобой в город поедem, так что с вечера ложись спать в телегу, я там вики тебе под бока положил.

Не успело стемнеть, а обрадованный известием, Ванька уже улёгся на мяготи свеженакошенной вики, оделся чапаном и вскоре заснул. Среди ночи его не раз будил горланисто пев-

ший петух, тягостный коровий дых, шлёпающиеся её же лепёшки и комариный над ухом писк, долго не давали ему снова забыться и заснуть.

Утром, чем свет, Василий, подмазав телегу и запрягши лошадь, вошёл в избу, взяв из сундуку нужную сумму денег, сказал:

– Ну, мы поехали, благословляй! – сказал он Любове Михайловне, cedившей молоко в чулане.

– Ну, с Богом! – благословила она. – Это где ты так вымазался, погляди-ка, все штаны у тебя в дётю, ты, что, маслёнщиком был, что ли? – укоризненно заметила она ему.

– Телегу подмазывал, вот и нечаянно испачкался в дётю. Ну, не беда, хоть я и в город еду, а не на ярмарку, а за деловой покупкой, – отшутился он. – Ну, мы поехали!

В Арзамасе они долго не задержались, отец сам куда-то ушёл, а Ваньке приказал ждать на подворье, сидеть на телеге, караулить лошадь. Вскоре отец возвратился на подворье с какой-то важной бумажкой в руках.

– Вот документ, по которому нам выдадут веялку, я всё уже выхлопотал, деньги уплатил, давай поедим и поедем.

Поев белого хлеба с колбасой и мёдом, они выехали с подворья, направились к базару. На «Мытном дворе» из какого-то каменного сарая Василию Ефимовичу двое мужиков помогли вытащить новенькую, блестящую зелёной краской пузатую веялку, которую погрузили на телегу. Крепко-накрепко верёвкой укрепив веялку на телеге, они тронулись домой. Тарахтя колёсами по булыжной мостовой улиц города и гремя веялкой, они вскоре выехали за город.

Доехав до Соловейки, Василий Ефимович, выпряг лошадь и пустил её покормиться на сочной зелёной траве. Запрягши, отец сказал Ваньке:

– Бери в руки вожжи, понукай лошадь, а я прилягу на телеге-то, посплю малость, а ты так и дуй по дороге-то.

Выезжая из села Ломовки, видимо, заслышав гроыхающий звук веялки, откуда ни возьмись, выбежала собака, она кубарем подкатилась лошади под ноги, остервенело скаля зубы и злобно брызжа слюной, залилась истошным лаем. Василий Ефимович, спрыгнув с телеги, подскочил к крайнему тыну, раскачивая, стал выдёргивать кол. Собака, заметив, что палка готовится для её, злобно урча отступила, поджав хвост, трусливо скрылась.

Едя по улицам своего села, многие мужики, заинтересовано крича с порядков, спрашивали Василия Ефимовича:

– Эт, что, новенькую купил?!

– Прямо с заводу! – горделиво отвечал он.

Подъехав к своему дому, Василий Ефимович, нарочно не ввёз веялку во двор, он дал возможность любоваться ею собравшимся около её мужикам и бабам.

– Видать, новенькая! – проговорил Иван Федотов с нескрываемой завистью, глядя рукой чёрное пузо веялки.

– Прямо с чеканчику, – улыбаясь ответил хозяин веялки.

– Вот бы мне прошлогодний горох провеять, уродился один куколь, а она бы, наверно, его отвеяла?

– Давай, неси пропустим, сейчас же и обновим, – охотно согласился Василий Ефимович.

– Да мы его уж весь съели! – признался Иван.

Мужики, расхваливая покупку, вынудили хозяина раздобраться, он сходил в погреб, принёс оттуда самогонки и покупку «взбрызнули».

Игра в деньги. Ершов в городе. Смирнов

Извечно считается, у русского крестьянства, Петровский пост (период с купального понедельника с 29-е июня по 12 июля) порой отдыха и передышки. В буйном цветении отгремела весна. Окончены все весенние полевые работы, вывезен навоз в поле на землю, предназначенную под озимь, первично вспахан пар. В период временной передышки начинается подготовка к сенокосу, покупаются косы, изготавливаются грабли.

18-го июня (1-го июля) в день святого Федула крестьянин говаривает: «Федул во двор заглянул – пора серпы зубрить», не увидишь, как и жнитво подоспеет. Русский крестьянин – труженик, христианин, набожно соблюдает праздники, даже в летнюю деловую пору, в праздники не работает, отдыхает. После обедни, придя из церкви, плотно пообедав, люди Мотовилова блаженно отдыхают, кто чем занимаются. Старики свой ночной недоспав подкрепляют дневным; пожилые мужики и бабы, управившись со своими мелкими делами по хозяйству, отдыхают, проводя время в беседах; молодые мужики со своими молодухами играют в переглядушки, а парни с девками на улице, луща семечки, любезничают.

Мужики-лошадники в праздники своих лошадей в табун для пастбы не выпускают. Спутав лошадь, или заарканив её, чтоб она далеко не ушла и на всякий случай была в глазах, выпускают на уличную лужайку, чтоб она, отдыхая, пощипала травы. Мужички и парни, любители игры в деньги, обычно собравшись на зелёном берегу озера, в особенности под так называемой «куржей», около школы, где стоят амбары и бани, артельками усаживаясь на бархатной прибрежной траве, устраивают несколько кружков игры в карты – на деньги, в «очко» или в «кондру». Любители же игры в «орлянку», собравшись в круг, в верх мечут монетой, насветлив её о подмётку сапога до зеркальности. Ребятишки-гавша, вечные спутники увеселительных забав, целыми днями торчат тоже тут. Взмётывая вверх глаза, они зорко следят за вертикальным полётом мётки и с особенным азартом дружно выкрикивают «Орёл!», если метка на землю легла вверх «серпом-молотом», «Решка!» кричат они, если мётка легла кверху обратной стороной.

Николай Ершов в воскресенье, выйдя во двор, решил выпустить свою лошадь Голиафа на улицу на подножий корм. Прежде чем заарканить, чтоб далеко Голиаф не забрёл, Николай укоризненно посмотрел на свою животинку. Он мысленно сравнил своего тощего, ребристого Голиафа со своей такой же ребристой телегой, только у телеги рёбра голые, а у лошади они обтянуты кожей. Но Николай гордился своим Голиафом и перед мужиками хвалил его непомерный рост и силу.

Спутав верёвкой передние ноги лошади, Николай отвёл Голиафа на сочную траву берега озера – пусть лужайку пощипает, а сам направился к кружкам, играющих в карты мужиков, так, понаблюдать, поинтересоваться, ведь дело-то праздничное и весь люд объят отдыхом.

– Присаживайся к нам, Николай Сергеич, сыграй конок-другой, – предложил ему Фёдор, бывший сосед Николая.

– Нет, спасибо, не играю. Знаем мы эту картёжную игру: выиграешь, а попользоваться выигрышем не удастся, пожалуй, с выигрышем-то намаешься. Нет уж, играйте одни, без меня. С тех пор как я однажды у одного арзамаского купца выиграл целую бочку тарашки, карт в руки не беру и в «орла» не играю.

– А как дело-то было? Расскажи! – заинтересовался Фёдор.

– А вот как. Ещё до мировой войны довелось мне в Арзамас на лошади поехать, кое-чего подкупить: постного масла и тарашки на Петровский пост. Оставив лошадь на подворье, я направился по лавкам и магазинам пройтись. До обеда я почти без дела по магазинам шлялся, к товару приценился да вывески рекламные читал. И до чего эта реклама забавна, что она пол-

ностью увлекла меня. Недаром говоря: «Реклама – двигатель торговли». Торговля начинается с рекламы и магазин с вывески.

Визуально рассмотрев сидящих в кругах игроков и поняв, что его рассказ все слушают со вниманием и большим интересом, Николай, закулив, продолжал:

– Так вот, как я уже вам сказал, что я до обеда по лавкам ходил просто так, вроде бы как ради рекламы. И до чего заманчивые слова написаны на внутренних вывесках в магазинах и лавках. В одной лавке я прочитал: «Хочешь держать с нами знакомство – покупай только у нас!», а рядом другая вывеска: «Дорого не продаём, постоянным покупателям подарки даём!» Я из лавки да в большой магазин, а там тоже висит вывеска во всю стену: «Всё у нас в магазине есть, но птичьего молока в продаже не держим!» И правда, окинул я полки глазами, а на них товару всякого – полки ломаются. Осматриваю товар-то своими завидуемыми буркалами и наткнулся взором на другую вывеску, а она гласит: «Имей совесть: купи чего-нибудь». Мне в голову-то и стукнуло: как бы силком не приневолили, у меня денег-то всего трёшница. Думаю, пока не поздно, надо пятки смазывать. Я задом, задом к двери, да ж толк её и незаметно вышел. В растерянности ткнулся я в другой магазин, опять на вывеску напоролся, читаю: «Кто не за покупками – лучше не входи». Вот, думаю, тебе фунт изюму. Я, было, пачинова, а хвать глазами поймал другую вывеску: «Заходи, не бойся, а зашёл – чего-нибудь купи». Я да к приказчику с вопросом: «А иглы хомутовой у вас случайно нет в продаже?» Приказчик, любезно улыбнувшись, отвечает мне: «Не только хомутовые, а всякие есть, и для швейных машин имеем». И говорит мне: «Вон, читай вывеску, если грамотный». Я взметнул глазами вверх, читаю: «Нигде кроме: только у нас и в Моссельпроме».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.